
Иммерсивный Psi-fi
ТИПЫ МАГНЕТИЗМА
#ИНСОФОС. КНИГА 2 ...
Марта, дорогая!
Я пребываю в полном восторге!
Ты заварила густой, ароматный как свежеобжаренный кофе, Sci-Fi.
Это хроники юхч революции, с чарующим уютом, тонкой иронией и привкусом легкого экзистенциального абсурда.
Марта Сол
18+

Марта Сол

Типы магнетизма

https://litres.ru/74718612
SelfPub; 2026

Аннотация

Это ироничное, теплое и слегка абсурдное руководство по выживанию в условиях абсолютной свободы. Высшая физика здесь органично и крепко сплетается со скрипом половиц, и сколько бы миров ни пересеклось сегодня на вашей кухне, истинные типы магнетизма не меняются. Нас притягивает друг к другу не слепая гравитация обстоятельств, а чистый, звенящий резонанс наших смыслов.

Это история о том, что бывает на следующий день после того, как вы спасли (или безнадежно сломали) привычный мир. Когда старые протоколы устарели, а бюрократы остались не у дел.

Но главный сюрприз будет поджидать нас за дверью. Наш вероятностный сдвиг пробил аккуратную, но ощутимую брешь в соседние коридоры Мультверсума. На пороге материализовались они — альтернативные ветки человечества, которых нам пришлось терпеливо отпаивать чаем и откармливать капустными пирожками, попутно объясняя новые правила межпространственного общежития.

Содержание

I часть. Механика бунта 4
Эффект выжившего 7
Парад психотипов 15
Кухонное таинство 22
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Марта Сол
Типы магнетизма

I часть. Механика бунта

Говорят, чтобы изменить мир, нужно начать с себя. Я же, как женщина с высшим техническим образованием, тяжелым жизненным опытом за плечами и внешностью на аппетитные тридцать пять, предпочитаю начинать с чашки крепкого ристретто и удобных старых тапочек.

В первой части моего затянувшегося экзистенциального отпуска в Долине Эйдос мы с вами, мой терпеливый читатель, успели наворотить немало дел. Я внезапно для себя выяснила, что реальность — это вовсе не железобетонная конструкция, прописанная в учебниках, а скорее податливая панель с тумблерами. Стоит только правильно сфокусировать намерение, и вуаля: вероятности послушно перестраиваются, тучи над головой расходятся, а зарвавшиеся бюрократы из мировых конгломератов остаются с носом.

Мы с успехом (и легкими нервными тиками) пережили интриги корпораций, активацию протокола «Безумный шляпник» и предательство внутри института. Мы вывернули наизнанку заговор Асира и Митта, заодно выяснив, что среди нас ходят древние исполины — инны. Такие, как Иван,

способный одной левой держать каркас бытия, стирать память и излучать мудрость масштабов небольшой галактики, или те же титаны мимикрии, способные притворяться кем угодно.

Анна по-прежнему держит Долину Эйдос в ежовых рукавицах своей материнской заботы, снося преграды бульдозером.

Я окончательно обжилась в гранже Атараксия со своей уникальной и слегка сумасшедшей свитой. В моем распоряжении Инесс — дьявольски умное альтер-эго, живущее в зеркалах и критикующее каждый мой шаг, и Эрик — домашний андроид-кентавр, чью беспросветную экзистенциальную депрессию я регулярно лечу житейским абурдом. Ну и, конечно, Базиль — рыжий метис размером с комодского варана, абсолютный генератор термодинамического хаоса и главный ценитель моих пирожков с капустой.

Казалось бы, мы стали настоящими Архитекторами смыслов (или реальности, кому как больше нравится называть этот квантовый балаган). Пыль улеглась, враги получили по рукам, и можно было бы наконец-то спокойно выдохнуть, сидя на подоконнике.

Но законы физики — как высшей, так и чисто житейской — неумолимы. Если ты однажды начал искрить на весь инфосополис, к тебе обязательно что-нибудь притянется. Или кто-нибудь.

Впереди нас ждет новая книга. Нам предстоит разобрать-

ся в том, как работают тонкие, невидимые связи между людьми, альтернативными ветками человечества и самой тканью пространства. Почему одних отталкивает, а других неумолимо сносит друг к другу сквозь любые преграды и здравый смысл? Какие торсионные поля заставляют нас совершать глупости и как эмпатический мицелий связывает тех, кто, казалось бы, бесконечно далек?

Добро пожаловать во вторую книгу, мой любознательный друг. Наливай кофе, почеши за ухом Базиля (только осторожно, он всё еще может случайно откусить вам пуговицу) и устраивайся поудобнее. Мы начинаем изучать типы магнетизма. И поверьте, нас ждет такое притяжение, от которого не спасет ни один бункер.

Эффект выжившего

не учили в школе нас тиранов
низвергать по правилам игры
и мы забросили конспекты
и просто слопали блины

Ты, наверное, уже сучишь ножками в ожидании истории о самом грандиозном перевороте во Вселенной, читатель. Устраивайся поудобнее. Можешь даже взять печенье. История предстоит длинная, как очередь к стоматологу.

Все мы проходили в школе историю революций и государственных переворотов. Нам вбивали линейками в голову бесконечную череду Людовиков, путешествие Колумба в «Индию» и даты подписания пактов, которые всё равно никто никогда не соблюдал. Вроде бы, чисто теоретически, можно было почерпнуть что-то полезное для нас из татаро-монгольского ига или завоеваний Александра Великого. Но история, эта сварливая старуха, не давала ни одной четкой инструкции.

Нет у меня доверия к летописям.

Успешные перевороты скорее можно назвать ошибкой выжившего, чем хорошо спланированными и проведенными операциями.

Никогда не понимала истории. Бесполезный предмет. Ничему он нас не учит. Ни как не допустить диктатора до вла-

сти, ни как безболезненно от него избавиться. Наш профессор Чехов со мной абсолютно согласен. «Эффект выжившего» (это, кстати, его словечко) — это результат, который невозможно повторить, даже маниакально копируя действия победителя шаг за шагом. Потому что победитель сам не понял, как выжил. Просто в ответственный момент ветер дунул в нужную сторону, и монетка встала на ребро.

Я недавно выучила новое слово — «когнитивный». Прекрасное, солидное слово. Звучит одновременно как диагноз и как индульгенция. Базиль сожрал мой тапок? Это когнитивная флуктуация его пищевого поведения. Эрик пережарил кофе? Когнитивный сбой в матрице эспрессо.

Этим утром мой личный когнитивный диссонанс заключался в том, что я, девяностолетняя в теле молодой привлекательной особы, сидела на уютном диване, пила идеальный ристретто и планировала отмену мировой финансовой системы.

Базиль, мой рыжий и абсолютно бессовестный пес, спал на ковре, раскинув лапы так, словно уже захватил всю власть в Долине Эйдос и теперь отдыхал на лаврах.

— Инесс, — позвала я.

В большом зеркале пошли цифровые круги, и появилась моя стервозная альтер-эго. Сегодня она выбрала образ интеллектуальной парижанки с мундштуком.

— Слушаю, о разрушительница устоев атараксинского уезда, — меланхолично отозвалась Инесс.

— Как ты думаешь, почему все исторические революции заканчивались гильотиной или талонами на колбасу?

— Потому что люди пытаются чинить сломанный стул, подпиливая ему ножки — авось теперь устойчивей станет, — философски заметила Инесс. — Статистика непреклонна: девяносто восемь процентов переворотов приводят к власти тех же Людовиков, только с другим профилем на монетах.

Но на то в Эйдосе и умники, чтобы откопать рациональное зерно даже в куче исторического … компоста. После долгих дебатов мы имели на руках следующую инструкцию:

Верхи не могут.

Низы не хотят.

Стечение обстоятельств и возможностей.

Ну, хоть что-то. Это и будет нашей печкой, от которой мы начнем плясать.

Мои размышления о судьбах миллиардов прервал звук открывающейся входной двери. На пороге стоял Александр. Мой умный, рассудительный и обычно безупречно аккуратный помощник выглядел так, словно его чудом выбросило из торнадо пуха, грязи и экзистенциального отчаяния. Его брюки были измазаны чем-то подозрительным, а из волос торчали пестрые перышки.

Он олицетворял трагедию человека, проигравшего бой с птицей.

— Кто вы такой, мужчина, и куда дели моего чистенького

любимчика? — я отставила чашку.

— Он пал, — Александр привалился к косяку и устало пояснил. — Людовик.

— Дааа, они такие — всё еще не понимая ситуацию, закивала я.

— Петух, — убитым голосом сказал Александр. — Огромный, генетически модифицированный петух по имени Людовик. Федор поручил мне управление фермерским птичником. Сказал, что это полезно для развития стратегического мышления.

Надо сказать, что Александр — человек «шумный». У него нет инсофских способностей. Он просто очень хороший, невероятно добрый парень, который живет в долине полубогов и отчаянно пытается доказать себе свою полезность. Его личный призрак прошлого — это страх оказаться лишним, картонной декорацией на фоне каких то придуманных им же самим титанов. Поэтому к курятнику он отнесся с серьезностью главнокомандующего накануне Ватерлоо.

Из кухни, мерно цокая копытами, вышел Эрик.

— Домашняя птица, — замогильным голосом изрек андроид, протягивая Александру чистое полотенце, — невосприимчива к дипломатии. Ее когнитивный (он все время обезьянничал с меня) предел — это поиск червяка. Любые попытки выстроить с ней конструктивный диалог обречены на крах.

— Спасибо, Эрик, ты умеешь утешить, — Александр вы-

тер лицо и прошел в гостиную, рухнув в кресло. — Людовик — просто какой-то классический диктатор. Он захватил главную кормушку. Он клюет цеплят, отгоняет слабых кур от зерна и вообще ведет себя так, будто у него контрольный пакет акций птицефабрики. Куры в стрессе. Яйценоскость упала на сорок процентов.

Хммм. Забавненько. Интересненько.

— И что ты сделал? — спросила я.

— Сначала я попытался уравновесить возможности, — Александр поправил очки. — Я взял ведро отборного зерна и равномерно рассыпал его по всему периметру. Чтобы хватило всем. Знаешь, что сделал Людовик? Он перестал есть. Он просто бегал кругами со скоростью света и избивал каждую курицу, которая пыталась клюнуть зерно без его разрешения. Он не мог съесть всё сам, но его главной целью было не насыщение, а контроль.

Инесс в зеркале тихо захлопала в ладоши.

— Классика! — прокомментировала она.

— Тогда я перешел к санкциям, — мрачно продолжил Александр. — Я поймал его. Боже, чего мне это стоило... Я загнал его в угол, получил клювом в колено, но посадил в отдельную, закрытую клетку. С лучшим зерном и чистой водой. Изолировал тирана.

— Логичный шаг, — кивнула я. — Низы наконец-то поели?

— Низы впали в когнитивный ступор (эхо тут что ли?)!

— Александр всплеснул руками, неосознанно используя мое любимое слово. — У них начался стокгольмский синдром! Куры подошли к его клетке, уселись вокруг и начали жалобно кудахтать. Они отказались есть без своего вождя! Они привыкли, что он решает, когда им клевать, а когда бежать. Свобода их напугала. Без жесткой вертикали власти их маленькие куриные мозги отказались функционировать. Федор стоял рядом, курил свою трубку и смеялся. Сказал: «Не лезь, пусть сами разбираются со своей геополитикой». Но я не мог сдаться.

Очередная метафора в виде грязных брюк и пернатого абсурда? Мы сидим тут со своими грандиозными планами. Мы хотим отменить деньги и государства. Мы хотим изолировать «тиранов». Но что будут делать обычные люди, шумные, когда мы посадим их Людовиков в клетку? Они рассядутся вокруг пустых банков и будут жалобно кудахтать, не зная, как жить без привычного гнета.

— И чем всё закончилось? Ты сдался?

— Нет, — Александр вдруг слабо улыбнулся, и в его глазах блеснула настоящая, человеческая гордость. — Я понял, что воюю не с той стороны. Если нельзя изменить кур и нельзя убить петуха, нужно изменить архитектуру мира.

Он наклонился вперед, глаза его загорелись.

— Я снял забор.

— Что? — Эрик даже перестал полировать манипулятором столешницу.

— Я убрал ограждение птичника, — торжественно сказал Александр. — Я открыл им доступ в большой сад. А кормушки я сделал маленькими и спрятал их в высокой траве, под кустами, за камнями. Их стало много, но они стали незаметными.

— И что Людовик? — я почти сочувствовала тирану.

— Людовик сошел с ума, — счастливо рассмеялся Александр. — Он выскочил в сад и попытался контролировать всю территорию. Но сад слишком большой. Пока он бежал к одному кусту, чтобы отогнать курицу от зерен, три другие уже спокойно клевали под камнем. Он метался туда-сюда, кричал, хлопал крыльями, пытался удержать свою монополию. Но физически не мог находиться везде одновременно. Ресурс перестал быть централизованным.

— А куры?

— А куры сначала жались к нему. Но голод — не тетка. Пространство оказалось безопасным и щедрым. Они разбрелись. Они начали ковыряться в земле, нашли червяков, которых раньше в глаза не видели. Спустя час Людовик просто устал. Он выдохся. Ему пришлось смириться с тем, что он не властелин мира, а просто петух, которому тоже нужно успеть поесть, пока всё не склевали. Я лишил его власти расширением горизонтов.

Вот оно. Архитектура смыслов в ее чистейшем, бытовом проявлении.

Не нужно сажать диктаторов в клетки. Не нужно бороться

с ними их же методами, потому что на их поле они всегда выиграют. Нужно просто убрать забор. Нужно децентрализовать ресуры. Верхи не смогут контролировать всё. Низы не захотят возвращаться в тесную клетку. Стечение обстоятельств и возможностей, организованное Александром и его грязными брюками.

— Биологические формы жизни поражают своей иррациональной эффективностью, — философски заметил кентадр. — Пожалуй, я не стану сегодня конфликтовать с тостером. Ограничусь молчаливым превосходством.

Александр напился чаю и ушел. Я подошла к окну. За стеклом колыхались ветви яблонь, а вдали, за высокими горами, спал тот самый большой, сложный и несправедливый мир, который мы собирались изменить.

Ничего, что эти три строчки — про верхи, низы и обстоятельства — выглядят ерундой. Швейная иголка и моточек ниток смотрятся не менее жалко. А получившиеся гобелены могут быть на вес золота.

Так что не паникуй, читатель, мы справимся. У нас есть план, у нас есть квантовая физика, и у нас есть Александры.

Парад психотипов

Если мир окончательно вышел из строя,
И налог превышает любой ваш доход,
Не ищите в газетах дневного покоя —
Заварите ристретто. И всё перейдет.

Поселившись в Долине Эйдос, я с чистой душой и глубочайшим, почти физически ощутимым relief'ом отреклась от мировых новостей и Большого Социума. Читатель, поверь: нет ничего более целительного для суставов и намерения жить счастливо, чем жирный, непроницаемый крест, поставленный на отслеживании политических и экономических новостей. Конечно, я по-прежнему грешила посиделками в обожаемых онлайн-магазинах одежды, заглядывала в уютные каналы ламповых сообществ и поддерживала связь с друзьями. Но на новости и политику был наложен абсолютный, жесточайший карантин. Эти две категории и раньше вызывали нервную чесотку между лопаток, а сейчас избегать их стало уже вопросом гигиены.

Но Анна была вылеплена из совершенно другого теста. Она изучала этот нехороший сектор не из мазохизма, а по долгу службы — с въедливостью лечащего врача, пытающегося составить полную картину симптомов тяжелобольного пациента.

Я искренне сочувствовала ей, попивая горячий ристрет-

то и уютно зарывшись в растянутый свитер. Картография глобального психоза, которую Анна вычерчивала на своих мониторах, выглядела жутковато. Налоги из разряда банальной неприятности давно перешли в категорию чистейшего абсурда. Даже полные профаны в арифметике понимали: сумма годовых поборов со среднестатистического человека превышала его реальный доход. В долги и кредитные петли граждане влезали еще на стадии детского сада — буквально оплачивая право на первый вдох и детскую кровать. А потом всю жизнь тащили этот чугунный груз на истощенных хребтах.

И если ты, мой оптимистичный друг, думаете, будто физическая смерть обнуляла этот абсурд — о, ты неисправимый романтик! Система ничего не прощала. Долги передавались по наследству. Не было наследников первой линии? Искали вторую, третью, троюродных племянников по линии кузена двоюродного дяди. Человек умудрялся появиться на свет, уже имея за душой солидный, неподъемный долг. Средний класс почил в бозе, не оставив даже надгробия. Государства одно за другим с наслаждением ужесточали законы, отменяли остатки пенсий и вычеркивали соцпакеты. Людской дух был сломлен, а мировой строй большими шагами возвращался к рабовладельческому — впрочем, он оттуда никогда толком и не выходил, просто раньше стеснялся снимать кружевные перчатки.

Но меня всегда радовало одно: всегда обязательно най-

дутся люди, которые попытаются что-то изменить. Бороться, сплочаться. Так, как мы. Или по-своему.

С «низами» проблем не предвиделось: доведенные до точки закипания люди были готовы к вероятностному сдвигу. А вот с «верхами» предстояла ювелирная, хирургическая работа. Нам нужно было вычислить тех ключевых игроков в управляющих структурах, кто уже морально «не может» продолжать этот цирк, и аккуратно взять их в оборот. Нужные обстоятельства мы собирались создавать сами, а возможности подрумянивались и пеклись в наших лабораториях, как горячие пирожки.

Но — клянусь, у меня еле поворачивается язык это признать — нам катастрофически не хватало Асира. После его ухода образовалась дыра размером с каверну. Кое-что взял на себя Ан, но у него была совсем другая специализация: он филигранно работал с тонкими настройками отдельной личности, но не готов был дирижировать мотивациями целых континентов.

Подготовить и перестроить сознание целой планеты — труд не из легких, и это было архиважным пунктом нашего плана. Всё остальное будет уже прилагаться. Выращивание хлеба существенно не изменится ни при какой смене власти, а вот от убеждений зависит всё: меняется до неузнаваемости — от цвета неба до формы городов.

Анна развернула масштабные поиски нового знатока человеческих струн. И на тестовые прогоны в конце недели

отобрали четырех кандидатов.

Первый прибыл на три дня раньше. И познакомившись с ним мы сразу поняли почему.

На какой метле он долетел до Авелони, то останется нам неведомо. Там он, сделав несколько безрезультатных кругов по городку, очутился в баре «Вероятности». Ант ему подробно объяснил и даже нарисовал на салфетке дорогу до санатория. Но что вы думаете? Часом позже он настырно колотил в дверь моей Атараксии!

Давненько никто не ломился к нам в парадную дверь! Мы высыпали всем табором посмотреть на пришельца.

Мужчина вежливо представился и сообщил, что ищет Эй'Терру. Мы с Эриком наперебой и в деталях объяснили, куда ему пойти, что обогнуть и на какие ориентиры смотреть. И ровно через полчаса он снова колотил в нашу дверь — опять сбившись с пути и сделав очередной круг по городу. Посылать его опять по тому же маршруту было бессмысленно. Я связалась с Анной, и та выслала за заблудшей душой андроида.

Пока мы ждали сопровождение (надеюсь, достаточно квалифицированное, ибо случай явно требовал особого подхода), мы немного поболтали и прониклись легкой взаимной симпатией.

Выглядел Фил (Филиас) так, словно его забыли погладить после стирки и абы как высушили. Нескладный, неестественно худой мужчина в безразмерном свитере с высоким

горлом. Из бездонных карманов его широких брюк периодически доносились странные скрипы, перезвон стекляшек и бульканье.

Знаток человеческих струн нервно щелкал автоматической ручкой, перескакивал в разговоре с многомерной физики на подгоревшие котлеты, а его дар эмпатии по-настоящему пугал. Он мог войти в комнату и по плотности воздуха определить, что ты полчаса назад тайком плакал из-за сломанной кофеварки. Но, виртуозно латая чужие надломленные психики, сам Фил регулярно впадал в клинический паралич анализа перед банальным бытом: выбор сорта чая на вечер вводил его в глухую кому из-за панического перебора тысяч ветвей вероятностей.

«Надо будет обязательно разработать для него альтер эго», — кровожадно подумала я.

Наконец пришел Ари и забрал потеряшку. Но на прощание какой-то черт дернул меня за язык, и я пригласила Фила заходить на чай. Чем он с радостью не преминул воспользоваться в последующие дни ожидания остальных соискателей.

Две представительницы науки об ужимках и прыжках человеков разумных появились на пороге санаторного корпуса через два дня. Их появление ранним туманным утром во время завтрака вызвало очаговый ажиотаж, а кое-кого из свидетелей события даже заставило подавиться печеньем.

Первой шествовала Розалия — ходячий манифест мистического абсурда на стыке высшей нейробиологии. Женщи-

на неопределенного возраста, увешанная тяжелыми серебряными амулетами и кольцами на каждом сантиметре тела. При каждом шаге она звенела, как стадо микроскопических альпийских коров, а вокруг неё плотно стоял шлейф из приторно-сладких благовоний и сушеной полыни. Вся её «ведьминская» магия и звенящая бижутерия на поверку оказывались хитроумными катализаторами уни, с помощью которых Розалия заземляла истерящих клиентов. Пока пациент иронизировал над её хрустальным шаром, она незаметно перестраивала его нейронные связи. Правда, имелся один изъян: Розалия настолько срослась с маской загадочной провидицы, что даже простую просьбу передать соль диктовала загробным голосом пифии, предрекающей конец света.

Следом за ней веско ступала Римма Альберта — женщина монументальная и категоричная, как внезапная плановая проверка. Она была закована в идеально сидящий строгий костюм-двойку, один вид которого навевал полузабытое слово «твид». Римма Альберта передвигалась тяжело и безапелляционно. Жалеть или гладить по руке она не умела принципиально. Она раскладывала душевную боль на четкие графики и выдавала жесткие протоколы выхода из кризиса. Внешне — сухой сухарь без капли видимой эмпатии, но в этом и заключался её дар: когда человек разбит вдребезги, мягкая жалость превращает его в кисель. Римма же выдавала жесткий экзоскелет из правил, на который можно было надежно опереться. Главной бедой этой адаптерши Юнга было пол-

ное неумение расслабляться. Если бы её пустили в поле векторов вероятностей, она заставила бы энергетические узлы ходить строевым шагом.

Третьей была Элия — свежий, пышущий энтузиазмом выпускник нашего факультета Эй'Когнитики. Румяные щеки, непослушная прядь за ухом, яркий росток юношеского максимализма. Элия тараторила пулеметными очередями, с ходу засыпая слушателей терминами по сонастройке смыслов и сложнейшими формулами расчета вывода из депрессии. Но живые люди — не формулы. При столкновении с настоящим, нелогичным человеческим горем Элия паниковала и трусливо пряталась за академический сленг.

И четвертым, разумеется, был наш уже знакомый Фил.

Им всем должны были выдать тестовые задания по стресс-моделям, чтобы мы могли сделать окончательный выбор.

Но пока подготавливались кабинеты и материалы для первых тестов, жизнь в Эй'Терре неожиданно заложила крутой вираж и поставила все эти аккуратные планы с ног на голову.

Кухонное таинство

Когда верхи не могут, а низы уже устали,Мы созываем штаб на кухне у окна.И если б революции из чая вырастали,То наша — однозначно из бодрящего зерна.Во время утренней прогулки с Базилем я встретила Нормана. Опять.Норман понуро сидел на каменной кладке в стороне от главного корпуса. Внешне наш главный квантовый инженер напоминал промокшего ворона. Я решила не ограничиваться приветственным взмахом рукой. Подошла и молча села рядом.Говорят, если хочешь сонастроиться с человеком — прими его позу, темп дыхания и манеру смотреть в экзистенциальную пустоту. Но тут и без сонастройки было ясно: Норман грустит. Причем грустит академически, с расчетом погрешности до пятого знака после запятой. Я не хотела начинать разговор с бесячего дежурного «Как дела?».Мы посидели молча. Минут пять. Я поболтала ногами, а Базиль принес Норману и выплюнул в ноги какую-то пакость.Норман сам понял, к чему дело идет. Погладил пса и начал первым. И сразил меня окончательно. Говорил немногословно. Короткими, рваными фразами. Норман, ау! Где твои привычные горы и моря заумных декламаций? Где пятиэтажные конструкции из сопромата и квантовой запутанности?— Мыслей слишком много, — ровно выдохнул он, глядя под ноги. — Я прихожу сюда посидеть. Помолчать. Вымести лишние.

Но на их место лавиной приносит другие…— Ну, ты же знаешь, как останавливать потоки мыслей? — спросила я так же тихо. — Сосредоточься на ощущениях тела. На звуках. На запахах. Вот, например, пахнет прелой хвоей и слегка подгоревшим тостами.— Ну вот я и пытаюсь, — Норман вздохнул так, словно внутри у него стравили давление из главного котла. — Но они сильнее. И их больше.— Ну тогда сходи в спортзал, болезный. Поколоти грушу. Натанцуйся до упаду. Наплавайся до пузырей из ушей. Физика — она ведь и в Африке физика: если кинетическую энергию мозга не сбросить через мышцы, она разорвет внутренний роутер.Норман поднял на меня задумчивый взгляд. В глубине его зрачков промелькнула робкая надежда.— Знаешь... а ведь это хорошая идея! Спасибо. Я и забыл совсем. Прихожу усталый. Ложусь спать. Утром иду в лабораторию. Закрутился. Это какой-то фундаментальный закон... но вот представляешь — не могу вспомнить какой.— Иди-ка ты прямо сейчас в зал! Без заходов в отдел теоретической физики.Я выбила из него обещание «прямо сейчас и никуда не сворачивая» и потопала домой. Но, видно, в воздухе витал вирус, и я подхватила от него эту заразительную мыслекрутилку.Мое лично напряжение в последнее время спало. Я напридумывала кучу задач, а то, как их выполнять, благополучно свалилось на широкие плечи здешних умников. Я даже при всём желании ничем не могла им помочь — в их высшей математике я разбиралась примерно так же, как Базиль в балете. Так что я с чи-

стой совестью вернулась к написанию книжек и мелким препирательствам с домочадцами.Но институт пыхтел на всех парах. Мы с Иваном стали реже встречаться и гулять. Чаще он давал мне упражнение на концентрацию намерения, и я самозабвенно тренировалась в одиночку. Наши посиделки на яве стали еженедельными вместо ежедневных. И всё больше становились задумчивыми, а не гогочущими. Анна стала отлучаться в небольшие поездки. А по приезде всё чаще напрашивалась в гости. Её фраза «хочу отдохнуть от умников» меня не обижала: я прекрасно знала, что такое сменить ненадолго обстановку, когда вокруг тебя круглосуточно деформируют пространства.В гостиной гранжа меня поджидала голограмма Анны.— Хочешь моих пирожков? — спросила голографическая хозяйка Долины без лишних прелюдий.— Не родился еще такой человек, кто не захочет твоих пирожков! — искренне отозвалась я, скидывая сапоги.— Я приду через час. У тебя и испечем. Эрик хотел научиться, а мне как раз надо... «отдохнуть от умников».Вот и отлично! Анна пекла их сотни лет и обладала какими-то запредельными, кулинарно-магическими знаниями по части поведения муки и приготовления начинки. То ли это был накопленный опыт средневековой матери-хозяйки, то ли просто природный талант демиурга, но её пирожки уносили меня прямо в эмпиреи. Заодно, подумала я, и на Нормана наябедничаю.Ты, мой прозорливый читатель, конечно же знаешь: самые важные и судьбоносные решения принимаются вовсе не в

стильных больших кабинетах и не в конференц-залах с полированными столами из махагони. И все великие перевороты в истории человечества, что бы там ни писали в пыльных академических учебниках, начинались вовсе не на городских площадях под грохот барабанов и не в мрачных подвалах с потайными ходами.Они начинались на кухнях.В уютном, слегка хаотичном пространстве с затоптанными собачьими лапами половицами, где вкусно пахнет свежей выпечкой, и немного подгоревшим ристретто. Потому что именно на кухне масштаб будущих глобальных свершений так удобно и бескровно концентрируется до понятных размеров литровой банки с малиновым вареньем.Через час дверь распахнулась. Реактивная Анна с большой плетеной корзиной прошествовала на мою кухню.Работа закипела мгновенно. Анна замесила тесто и поставила его расстаиваться под льняным полотенцем. Эрик занялся начинкой по строгой инструкции шеф-повара. Начинка из свежей капусты требовала ювелирной термической обработки, и кентандр орудовал лопаткой с научной точностью симбиоза тонкого поэта и накрахмаленного придворного.Я подумала, что самое время для разговора по душам.— Знаешь, — начала я, опираясь на кухонный стол локтями и наблюдая, как под полотенцем «отдыхает» пышное тесто. — Я на вас смотрю из своей уютной атараксии, и маятно мне. Кажется, груз ответственности придавил вас слегка. Кью сидит как сыч в своей теплице и выращивает эти свои кактусы-фильтры всё более странных, психодели-

ческих форм. Там уже не оранжерея, а натуральная комната ужасов. Норман вздыхает не для того, чтобы перевести дух в бесконечных занудствах, а чтобы просто тяжело вздыхать. Иван вообще говорить перестал. Ты сбегаешь ко мне при любом удобном случае…— На нас? — Анна приподняла бровь, не прекращая контролировать сдобную магию. — А себя ты куда относишь, стратегия ты наша в тапочках?— А я, между прочим, выбрала быстренько самый трусливый подход! — с гордостью заявила я. — Я в ваших высших науках ничего не понимаю, с меня и взятки гладки. Мое дело — предложить идею позаковыристее, а дальше вы сами, умники, разбирайтесь с формулами.Анна наверное потому и умела добиваться невозможного там, где другие ломали зубы. Она тонко чувствовала: где просто бытовой треп и шелуха, а где проклевываются фундаментальные вещи. Она замолчала, обдумывая услышанное. Всё так же молча пошла, проверила еще раз тесто, оценила достижения Эрика в обжарке капусты.Тесто подошло идеально. Начинка единогласно получила приз зрительских симпатий. Мы приступили к следующему этапу таинства.Анна в кухонном фартуке раскатывала тесто для первой партии. Эрик аккуратно заворачивал начинку в конвертики. А мой рыжий лохматый генератор хаоса Базиль мирно тлел на подстилке у стеночки, время от времени издавая во сне басовитое «буф» — словно уже выражал глубинное несогласие с миропорядком.И именно в этот момент на кухне замысловатым винтом образовался Фил.Впрочем, удивляться

не приходилось: я сама разбросала недальновидно разбрасывалась приглашениями. Теперь привечай!Рукава его свитера свисали ниже пальцев, из глубоких карманов брюк привычно гремело что-то стеклянное и металлическое, а глаза вопросительно бегали между двумя вазочками на столе.Не успев переступить порог, Фил выдал на одном дыхании:— Мировые хиты еды — пицца, паста, бургеры, шоколад, картофель фри — нравятся большинству людей благодаря биологическим настройкам мозга, эволюции и химическому составу блюд! Во-первых: эволюционная тяга к калориям. Наш организм запрограммирован искать жирную и сладкую пищу, так как в древности это было главным источником энергии для выживания. Во-вторых: вкус «умами» и жир! Многие популярные блюда сочетают жир и умами — глубокий вкус глутаматов, который мозг считывает как признак белковой пищи. И конечно: выброс дофамина! Когда мы едим любимую еду, мозг выделяет гормон удовольствия, закрепляя привычку хотеть этот продукт снова и снова. Не последнюю роль играют текстура и хруст. Сочетание хрустящей корочки и мягкой серединки активирует сразу несколько сенсорных зон во рту! Ну и наконец: глобальная доступность и маркетинг... Хотите узнать больше о том, как формируются вкусовые рецепторы или почему некоторые люди ненавидят кинзу?!— Нет, спасибо! — одновременно и слишком слаженно вырвалось у нас с Анной.— Мойте руки и помогайте лепить пирожки, — добавила я.— Филиас, садись, — вздохнула Ан-

на, вытирая мучные руки о фартук. — Чай будешь? С малиной или со сгущенкой?Фил застыл, затаив дыхание. Его лицо вытянулось в раздумье. Он рывком вытащил из кармана автоматическую ручку и начал нервно щелкать: щелк-щелк, щелк-щелк.— Малина... — пробормотал. — Малина — это органический антиоксидант и воспоминание о детском саде, что может спровоцировать эмоциональную регрессию в сторону инфантильности. Но сгущенка... сгущенка — это плотный углеводный удар по поджелудочной, который увлечет ветку моего вероятностного будущего к гастриту через три с половиной года... Анна, я... я не могу. Это слишком сложный выбор. Давайте просто кипяток? Нет, кипяток тоже опасно, им можно обжечься...— Налей ему черного чая и положи большую ложку сахара, — скомандовала я Эрику. — Филиас, выдыхайте. Мы тут с Анной обсуждаем, как... гипотетически, конечно! — провести смену общественного строя.Фил замер. Щелканье ручки на секунду прекратилось.— С низами, как мы полагаем, всё пройдет в штатном режиме, — продолжила я, отхлебывая кофе. — Там закипает естественным образом. Когда человек должен банку еще до того, как научился выговаривать букву «р», его намерение сбросить яремную петлю не требует дополнительных катализаторов. Но верхи... Верхи засели в своих изолированных бункерах за титановыми щитами. И пробить их прямой атакой — всё равно что пытаться накормить Базиля брокколи. Бесполезно и вызовет только глухой протест.При словах «глухой

протест» щелканье ручки прекратилось окончательно.Фил застыл. Его расфокусированный взгляд бытового недотепы вдруг мгновенно сфокусировался, превратившись в два ледяных снайперских прицела. Социальная маска мятого гуманитария слетела за долю секунды, уступив место гениальному психоаналитику и архитектору подсознания.Он подошел к столу, бестрепетно взял чашку чая (вообще не глядя, с сахаром она или с малиной), сделал уверенный глоток.— Важно не совершить классическую ошибку всех революционеров, — спокойно и веско произнес Фил. Его голос прозвучал так чисто, глубоко и отточенно, что Эрик даже замер с недолепленным пирожком в манипуляторе. — Вы смотрите на верхушку Большого Социума как на монолитных монстров. А они — просто испуганные дети с гипертрофированным синдромом контроля.— Испуганные? — Инесс, материализовавшаяся в небольшом декоративном зеркале над кухонной полкой, прищурила дьявольски умные глаза. — Филиас, милый, эти «дети» отменили пенсии на трех континентах и сдают младенцев в ипотеку.— Именно поэтому они и испуганы, — Фил аккуратно поставил чашку на стол и чиркнул допотопной зажигалкой, выуженной из безразмерного кармана, разглядывая язычок пламени. — Запомните: чем жестче и абсурднее система контроля, тем сильнее тот, кто её создал, боится собственной уязвимости. Они выстроили долговую рабовладельческую систему не от силы, а от дикой, животной паники перед непредсказуемостью бытия.

Они пытаются застраховать свой завтрашний день, покупая души других людей.— И как это помогает нам их «взять в оборот»? — Анна скрестила руки на груди, пытливо глядя на нашего преобразившегося соратника.— Очень просто, — Фил снова щелкнул ручкой, но теперь этот звук прозвучал как щелчок затвора. — Их не нужно ломать. Им нужно предложить то, чего они лишены больше всего — абсолютный, экзистенциальный покой. Но перед этим... нужно лишить их иллюзии контроля.Он протянул худой палец в воздух, где ментально набросал образ гипотетического правителя синдиката.— Эти люди не спали нормально последние надцать лет. У них жесткий ОКР на почве вероятностных рисков. Они до смерти боятся, что однажды проснутся, а их финансовые империи — просто нолики в воздухе. Если… — Он обвел взглядом кухню, — «испечь» для них цепочку тонких, едва заметных микро-сдвигов...— Вроде того, чтобы его чайник утром просвистел в другой тональности, а в коридорах офиса стали встречаться люди из его детских страхов? — подхватила я с улыбкой.— Именно, — кивнул Фил. — Микро-сдвиги в физике бытия. Замки на его дверях начинают щелкать с задержкой в полсекунды. Падение курса акций совпадает с датой смерти его любимой канарейки. Мы подведем его психотип к точке, когда контроль станет невыносимой пыткой. И когда он будет готов сорваться в пропасть, идти к гадалке или принять постриг... надо протянуть ему руку. Не с угрозой, а с протоколом выхода из его личного ада.—

Психологическая конверсия через тонкую настройку намерения, — резюмировала Анна, и на её лице расплылась тёплая, хищная улыбка истинного врача. — Мы не будем с ними воевать. Мы будем их... лечить. Без их предварительного согласия.— Это отвратительно изящно, — ехидно заметила Инесс из зеркала. — Мне нравится.Эрик торжественно поклонился с испачканной в муке ложкой:— Разрешите внести поэтическую правду в протокол заседания: «И пали тираны не от меча, а от того, что кофе их утренний стал пахнуть тленом их собственных амбиций».Фил тут же вздрогнул. Ледяной скальпель в его глазах мгновенно растаял. Он поежился в своем огромном свитере, спрятал кисти рук в рукава и панически посмотрел на стол:— Ой... Я, кажется, выпил чай без сахара? Или с сахаром? Боже мой, если там был сахар, то мой дневной индекс глюкозы…Базиль тяжеловесно поднялся со своей подстилки, подошел к Филу, положил огромную мохнатую голову ему на колени и сочувственно вздохнул, прямо-таки транслируя: «Не переживай, парень, я тоже бывает съедаю сосиску вместе с целлофаном».— Итак, — Анна с безапелляционным стуком опустила скалку на стол, отчего облако муки взмыло в воздух и плавно осело на Эрике. — Новый план!Я допила свой кофе, пошевелила пальцами в старых тапочках и посмотрела за окно. Там, над Долиной, в растрепанных облаках расцветал нежно-золотой закат. Видит бог, у старого мира не оставалось ни единого шанса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.